

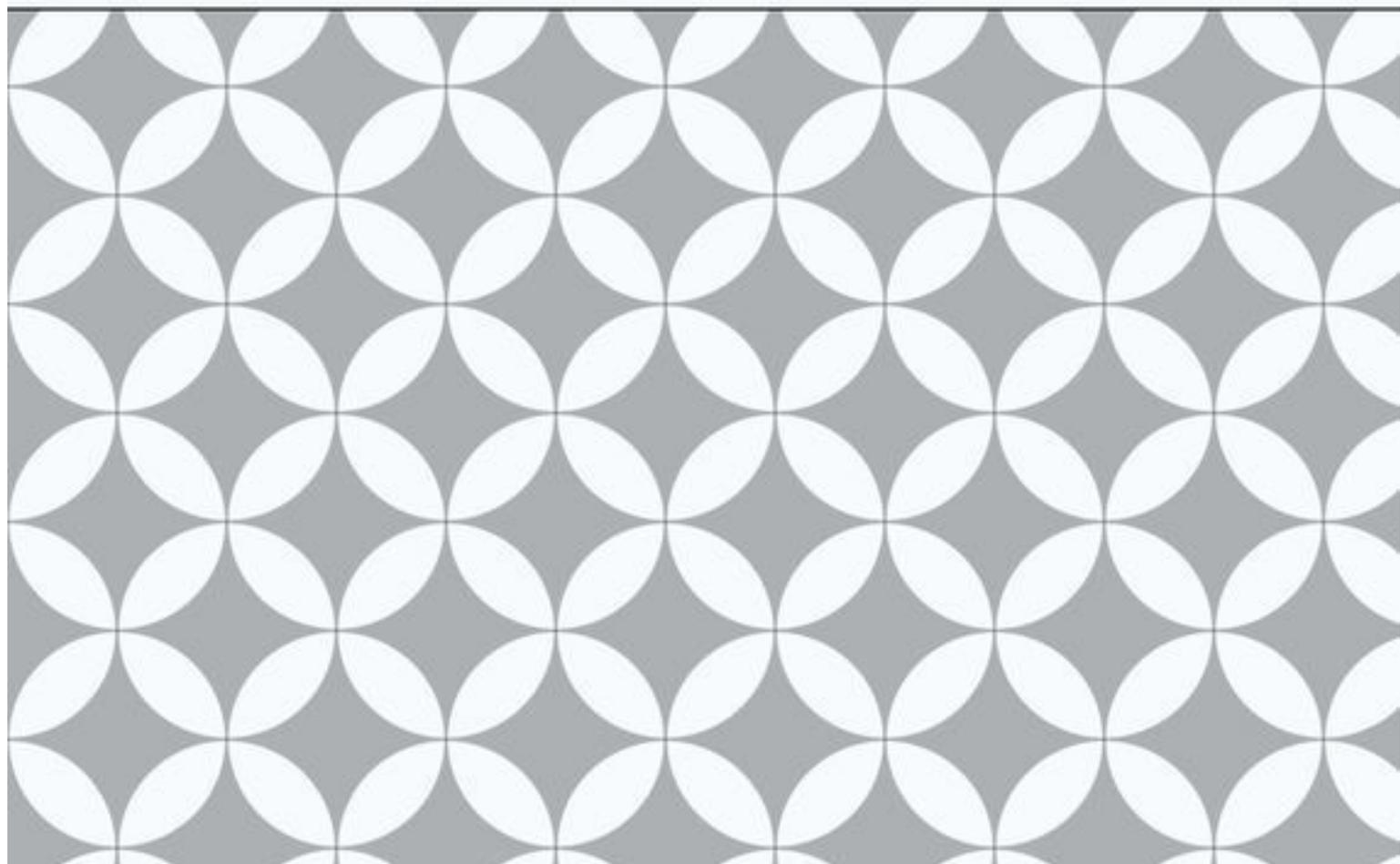
Александр Косарев

---

*Заметки
кладочискателя*

Выпуск №13

Александр Косарев
Заметки кладоискателя.
Выпуск №13

«Издательские решения»

Косарев А. Г.

Заметки кладоискателя. Выпуск №13 / А. Г. Косарев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839581-9

Известный во многих странах автор и исследователь загадок исторических кладов Александр Косарев, представляет вашему вниманию свои небольшие и доступные любому читателю сборники, названные им «Три рассказа». В каждом выпуске будет как раз по три увлекательные истории, посвящённые розыскам давно исчезнувших сокровищ.

ISBN 978-5-44-839581-9

© Косарев А. Г.
© Издательские решения

Содержание

Крест Ефросиньи Полоцкой	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Заметки кладоискателя

Выпуск №13

Александр Григорьевич Косарев

© Александр Григорьевич Косарев, 2017

ISBN 978-5-4483-9581-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Крест Ефросиньи Полоцкой

Надеюсь, что именно эта глава со всей очевидностью покажет Вам, как много интереснейших кладовых тайн, всё ещё скрывается в российской земле. А эта история уходит своими корнями в давнюю-предавнюю старину. И чтобы читателям было понятно, о чём идет речь, я немного расскажу об этом замечательном произведении ювелирного искусства. Крест Ефросиньи Полоцкой, который по праву считается главной христианской реликвией Белоруссии, был обретен ещё в XII веке.

Дело было так... Полоцкая княжна, преподобная Ефросинья, в миру звавшаяся Преподобной, основала в 1125 году Спасо-Ефросиньевский монастырь. Монастырь располагался на правом берегу реки Полоты в двух верстах от центра древнего города Полоцка. Судьба этой святой, знаменитой по древности основания и историческому значению для края обители тесно связана с судьбой всей Белоруссии. В монастыре было два каменных храма: Спасо-Преображенский, построенный основательницей обители не позднее 1160 года, и трёх-престольный, названный в честь Воздвиженья Креста Господня.

Кстати сказать. В 1870 году в обитель были принесены частички мощей преподобной Ефросиньи, скончавшейся в Греции 23 мая 1173 года и упокоившейся в Феодосиевской пещере Киево-Печерской лавры. Свой же знаменитый крест она заказала ювелиру Лазору Богше в 1161 году. Он изготовил шестиконечный крест из кипариса, длиной 52,17 см. Снаружи реликвия была украшена золотыми и серебряными пластинами, на которых были изображены 20 образов святых, выведены различные надписи и мозаичные орнаменты. Кроме того, крест был обложен драгоценными камнями: изумрудами, рубинами и жемчугом.

Вот как описывался данный экспонат в описи хранилища.

«Крест шестиконечный, длиной в 11 и $\frac{3}{4}$ вершка, с заключающимися в нём частичками мощей святых. Обложен золотыми и серебряными листами с мозаической орнаментикой и 20 небольшими образами, из которых один – Григория Богослова – утрачен. На боковых сторонах его на славянском языке надпись.

«В лето „XXX“ вложен Ефросинию честный крест в свой монастырь, в церковь Христоваго Спаса. Честное дерево бесценно есть, оковано оно золотом и серебром и камнями и жемчугом в „X“ гривен, а драгоценностями в „M“ гривен. Да не выносятся из монастыря ни когда же, ни продать, ни отдать, а если кто ослушается и унесёт из монастыря, то не будет ему помощник честный крест, ни в сим веке, ни в будущем и да будет проклят Святою Животворящую Троицею и Святыми отцами. Семью собор святых отцов и будет он иудойю если предаст Христа, кто же дерзнёт сотворить святотатство/ властелин ли или князь, или пискоуп, или игумен, или какой иной человек, а будет ему проклятье. Ефросинья же раба Христова стяжавши крест сей примет вечную жизнь со всеми и с нами».

Внизу на левой стороне шестиконечного креста, под образом Св. Пантелеймона вырезана мелкими буквами подпись мастера:

«Ти помози рабоу свое (неразборчиво) му лазору нареченному божии съделавше мою кръсть сии црръкви стаго спаса и Ефросиньи».

Стоимость креста по оценке 1161 года составляла 140 гривен серебра. Теперь и мы можем примерно прикинуть стоимость данной реликвии в переводе со стародавних гривен на более современные денежные знаки. Одна гривна в 12-м веке приравнивалась к 204 гр. серебра. Следовательно, ценность креста Ефросиньи равнялась в те времена стоимости 28 кг. 560 гр. серебра. Серебро тогда ценилось несколько выше золота и в первом приближении можно считать, что реликвию оценили в 30 кг золота, а если пересчитать их на современные доллары, то их потребовалось бы 400.000, как минимум! Разумеется, это только перевод одних стоимостных единиц в другие, не более. Какова же истинная стоимость дан-

ного исторического раритета, не скажет и самый умудрённый оценщик, ведь подобные вещи принято называть бесценными.

Ранее крест Ефросиньи находился в Полоцком Софийском соборе, а затем был перенесён в Спасский храм, в ту самую келью, которую некогда занимала сама Ефросинья Полоцкая. Там он и пребывал с 1842-го до 1917 года. Случившиеся же в том роковом году известные революционные события круто перевернули и судьбу исторической реликвии. Вместе с тысячами прочих изъятых в ходе многочисленных реквизиций предметов, крест Ефросиньи был отправлен в Могилёвский краеведческий музей. Тут надо непременно отметить, что это был очень богатый и известный музей в СССР. Ещё до революции он славился тем, что в нём были собраны уникальные коллекции исторических раритетов. Старинные клады, уникальные, украшенные золотыми окладами книги, картины, ювелирные украшения, извлечённые из разрытых курганов, и даже золотые предметы, найденные при раскопках Помпеи.

Когда же в его экспозиции и запасники влились многие тысячи уникальных предметов конфискованных в частных домах белорусской знати, такие как историческая церковная утварь и личные коллекции купцов и дворян, то Могилёвский музей стал, образно выражаясь, белорусским филиалом ГОХРАНА. Таким богатым хранилищем данный музей и оставался вплоть до 13 июля 1941 года. В тот день, выполняя приказ об эвакуации, все музейные ценности загрузили в 4 грузовика и под усиленной охраной направили на восток по следующему возможному маршруту: Могилёв – Чаусы – Мстиславль – Починок. Конечным пунктом на тот момент являлся город Смоленск. Поездка была крайне опасна, и именно поэтому машины намеренно двигались второстепенными и даже просёлочными дорогами, поскольку магистраль Минск-Москва подвергалась постоянным налётам немецкой авиации.

Известно, что до Смоленска могилёвская колонна добралась успешно, но к тому времени передовые части Вермахта уже угрожали и этому городу. Началась вторая фаза эвакуации. И на этот раз небольшой автоколонне пришлось продвигаться вовсе не по относительно свободному шоссе, а среди тысяч беженцев, по крайне узким и разбитым окольными дорогам. Но теперь такой способ маскировки помогал мало. Немецкая разведка не могла не знать о том, что значительная часть населения и вывозимых материальных ценностей отходит из полуокружённого города по старой смоленской дороге через населённые пункты: Кардымово – Дорогобуж – Вязьма... Естественно, что все более или менее свободные истребительные подразделения Люфтваффе были нацелены на самое узкое и неудобное для отступавших место – Соловьёву переправу через Днепр. Почти всё светлое время суток немецкие самолёты кружили над селом Соловьёво, стараясь максимально осложнить переправу на другой берег реки, осуществлявшийся по единственному в тех местах наплавному мосту (действующему до сих пор).

Я, кстати ранее не зря упомянул дату 13 июля 1941 года. Эта дата – последняя, когда о судьбе сокровищницы Могилёвского музея было известно что-то определённое. После этой скорбной даты следы ценнейшей коллекции, общая стоимость которой на данный момент составляет не менее 300.000.000 \$, теряются безвозвратно. И ведь нельзя сказать, что её не искали впоследствии. Искали, ещё как искали-то! Всевозможными спецслужбами розыскные мероприятия проводились по всему миру. Поиски проводились в СССР, затем в России, а затем в Германии и даже США. В последние годы розысками занимаются сотрудники Интерпола и КГБ Белоруссии. Нельзя сказать, что их усилия не дают результатов. Поймано несколько предприимчивых деятелей, пытавшихся впарить зазевавшимся иностранцам всплывший неизвестно откуда взявшийся, но совершенно новенький «Крест Ефросиньи». Подделка конечно, но деньги за него подпольные умельцы стремились получить самые что ни на есть настоящие. Но это что касается самого креста. А как же всё остальное? Четыре грузовика бронзы, серебра и золота, как-никак пропало. Они-то где? Неужели

за 60 лет после взятия Берлина у антикварных перекупщиков не всплыл ни одна музейный экспонат из Могилёва? Нет, не всплыла! Нигде! Никогда! Ни единой вещишки!

То есть Вы теперь понимаете, что все вывезенные из Могилёва сокровища были упрянтаны в третьем квартале 1941 года столь тщательно и при столь трагических обстоятельствах, что отыскать их теперь не представляется ни малейшей возможности. Но давайте всё же порассуждаем на эту тему. Возможно, в процессе мозгового штурма нам удастся хотя бы приблизительно очертить район, в котором были захоронены столь редкие музейные ценности.

Итак, война, частые бомбёжки, тревоги по поводу высадки немецких диверсантов..., короче – кромешный ад. По дороге на восток от Смоленска отходят войска 16 и 20 армий, под командованием М. Ф. Лукина и Ф. А. Ермакова. Поскольку активные боевые действия идут всего 23 дня, то эти армии хоть и потрёпаны в предыдущих сражениях, но всё же сохраняют и дисциплину, и вооружение, и управление. Комиссары на своих местах, политруки блюдут за личным составом, не допуская паники и морального разложения. И вот среди неторопливо вышагивающих пехотных колонн едет несколько грузовых машин. Разумеется, никто не знает, что в них перевозятся ценности, и поэтому на них особо никто не обращает внимания. То есть в гуще советских войск ценности на данном этапе были в относительной безопасности, и незаметно исчезнуть не могли ни при каких обстоятельствах. Единственно, что было плохо, так это скорость продвижения. Машины, образно выражаясь, ползли как черепахи, и обогнать устало бредущую пехоту они не могли. Почему? Да потому, что на большинстве отрезков старой смоленской дороги полотно шоссе столь узко, и идёт оно по столь обширным и протяжённым лесным массивам, что как-либо сильно по ней разогнаться по ней из-за великого скопления народа, танков, пушек, лошадей и стад крупного рогатого скота было просто невозможно.

Следовательно, и наши 4 машины тоже неторопливо плыли посреди этого живого месива, вынужденно приноравливаясь к такому непривычно медленному способу передвижения. А могли ли водители свернуть втихомолку в ближайшую рощицу и закопать свой груз в кустиках до лучших времён? Нет, не могли. Не могли, потому что на каждой полуторке имелся оперуполномоченный от НКВД, а в каждом кузове, кроме него, восседала вооружённая охрана не менее чем из 4-х человек. Кроме того, на передней машине ехал начальник колонны с большим наганом или маузером, имевший полномочия прикончить любого, кто проявил бы трусость и неповиновение. К тому же приказ у них был добраться до Москвы, в которую, как нам известно, немцам войти так и не удалось. Так что все были заинтересованы именно в скорейшем продвижении вперёд, а вовсе не в остановке, пусть и кратковременной.

Однако именно слишком медленное передвижение и сыграло в конце концов с колонной злую шутку. До возжеленной Москвы могилёвские эвакуаторы так и не доехали. Почему же? Ответ тут может быть только один. Все четыре грузовика вместе с охраной и начальником конвоя оказались там, куда угодили почти все войска 16-й и 20-й армий, а именно в так называемом Холм-Жирковском «котле». Туда, кстати сказать, угодили не только они. Множество иных машин с музейными и банковскими ценностями, вывозимые из европейской части страны, угодили в то же проклятое место. То есть, иными словами, та крупнейшая военная катастрофа, которая произошла в лесах западнее города Вязьмы, стала для нашего государства ещё и катастрофой экономической и культурной.

Отчасти данное соображение подтверждается тем, что по сию пору к материалам и военным картам, касающимся операциям в Холм-Жирковском котле военные никого не допускают, даже учёных историков. Казалось бы, какие там ещё тут могут быть секреты? Шестьдесят пять лет минуло после последнего выстрела в вяземских лесах! Что такого до сих пор тайного можно скрывать от посторонних взглядов? Теперь-то мы знаем, отчего

так происходит! Государство, в лице Министерства обороны хранит эти документы под грифом «**Секретно**» вовсе не для того, чтобы спрятать от общественности тайну о гибели двух армий. Нет, оно до сих пор боится дать поисковикам хотя бы крошечную ниточку, которая может привести их к отысканию спрятанных многочисленными эвакуационными отрядами ценностей.

Однако нас такие преграды не страшат. Давайте просто логически порассуждаем на следующую тему: – какова же могла быть дальнейшая судьба вывезенных из Могилёвского музея ценностей, после того как машины конвоя вынужденно свернули с намеченного маршрута? По нашим представлениям на заключительном участке пути колонна двигалась по следующему маршруту: Соловьёво – Поляново – Новосёлки, а следующим пунктом должна была быть Вязьма. И тут приходит неожиданное известие о том, что Вязьма занята немецкими войсками. Куда было деваться советским войскам? От Новосёлок кроме основной трассы, идёт только одна-единственная дорога и идёт она на север, к Относово. По ней и двинулись отступающие войска. Иного пути просто не было. И именно у селения Относово они вышли на узенькое в ту пору шоссе Минск – Москва. И вновь встал вопрос, далее то куда идти?

Возможно, командование отступавших армий и сделало некую попытку пробиться с северной стороны Вязьмы, но она явно была обречена на неудачу. Ведь прежде всего следовало произвести хоть какую-то разведку, развернуть измотанные длительным переходом войска в боевой порядок, поставить задачу командирам низшего звена, придумать как форсировать реки Бебря и Вязьма... А ведь времени на все эти действия у Лукина просто не было. Тысячи военных и гражданских, сотни единиц техники, едва выбравшись из прикрывавших их дремучих лесов, оказались на совершенно открытом пространстве. Прежде всего, надо было немедленно укрыть войска от немецкой авиации, которая надо думать не замедлила появиться в воздухе. Так куда же можно было идти далее? Где прятаться?

Если Вы взглянете на карту местности, то сразу поймёте, что выбор у нашего командования был невелик. На западе и на востоке от Относово уже успел укрепился противник (мобильные немецкие войска ловчее всего действовали именно вдоль дорог), а с юга они сами только что пришли. Значит, для какого-то манёвра им оставалась только одна дорога, на север. Наверное, часть пеших войск поспешила укрыться в урочище Пупос, или небольшом лесочке, вытянувшемся возле речки Каменка, слева от дороги. Но основная часть людей и техники неизбежно начала продвигаться от Относово по просёлочной дороге в направлении деревни Аношино. И именно здесь, а так же в урочищах Рожново и Фёдоровка (высоты 274,1; 270,5; 270,1) наши войска оказались в относительной безопасности. Впрочем, все прекрасно понимали, что безопасность эта временна и непрочна. Громадное скопище людей и машин, оказалось разбросано в лесном массиве площадью не менее чем в сорок квадратных километров и оно требовало снабжения, пропитания и управления.

Не забудем, что войска 16 и 20 армий оказались в окружении в середине июля, а окончательная фаза ликвидации «котла» началась только в середине октября, то есть через три месяца. До этого момента основная часть наших боеспособных войск сосредотачивалась в районе лесного массива юго-западнее деревни Богородицкое (высота 275,7). Именно оттуда они производили попытки вырваться из окружения. План их состоял в том, чтобы пробить линию обороны немцев, протянувшуюся вдоль шоссе Холм-Жирковский – Вязьма и, прячась в лесах уйти в направлении Всеволодкино – Долматово – Карманово и далее на Волоколамск.

План в создавшихся обстоятельствах был не хуже прочих, но, разумеется, такими окольными тропами могли пройти только пешие, вооружённые лишь лёгким стрелковым вооружением воины. Вся тяжёлая техника заранее была обречена на уничтожение. К тому же даже если бы у них и была возможность использовать на каких-то участках грузовики, то их

всё равно невозможно было заправить. Хочу в связи с этим процитировать строки из одного письма, которое кружным путём попала ко мне из Санкт-Петербурга. Вот как в нём освещаются те события. Написано оно одним поисковиком и соответственно применённая им характерная лексика сохранена мною в точности.

«...Место предполагаемых поисков находится под Вязьмой, возможно в р-не д. Богородицкое, точнее мне пока установить не удалось, но ищут ещё с 75 года, и точно где не говорят. По рассказам искателей: – В деревню пришли красноармейцы и попросили шанцевый инструмент – лопаты, ломы и через определённое время, как ни странно они возвратили всё обратно, так что свидетелей произошедшего должно быть достаточно, что они закапывали неизвестно. Бойцы слили со своих машин горючее и заправили только одну из них, а остальные вывели из строя. Уехали на ней в сторону фронта, т.е. на восток, почти сразу за ними проследовали немцы. Ночью один из жителей деревни (его не призвали т.к. он был хром на одну ногу) прокрался в тот лесок, где находились машины, и увидел, что в одну из них попал снаряд и разметал по округе содержимое кузова, а именно советские серебряные полтинники потом из полтинников крестьяне делали кто кольца, кто крестики и прочую бижутерию. Это почти всё, что мне известно об этом месте на сегодняшний день...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.